Только у нас

согрелись, и все прошло, а у меня стали гореть и теперь пухнут. Я, кажется, приобрел ревматизм. В лодке ногам было еще холоднее, и когда я в 18-й день дотащился до Якутска, зуд и жар в ногах усилились, и я не знаю, как я пущусь по Лене. А по ней до Иркутска около 3000 верст. Ездят в почтовых лодках, но скоро пойдет лед, тогда пришлось бы ехать берегом, так надо ждать здесь, пока Лена установится, что случится в конце октября или в первых числах ноября. Это ужасно, это двухмесячная ссылка. Товарищи мои (Оболенский и Тихменев. - **Ж.Т.**) все уехали, я остался один». В письме же в Петербург к Ю.Д. Ефремовой Иван Александрович с глубокой грустью посетовал: «Если мне предстоит пробыть здесь ужасных полтора-два месяца, это может свести с ума и не такую нетерпеливую голову, какова моя... Что это судьба делает со мной - куда забросила меня? Ужели мало показалось ей моего скитания по океану, по зною, по диким и пустым берегам, по негостеприимным странам, как Япония и Китай, наконец, по сибирским тундрам»[2].

С.Г. Волконский.
Акварель Н.А. Бестужева. 1840-е гг.
Отдел истории русской культуры. Эрмитаж. Ленинград

Но через несколько дней, когда благодаря стараниям молодого лекаря Лазарева опухоль на ногах стала спадать, а доброжелательное отношение губернатора К.Н. Григорьева и архиепископа Иннокентия, да и всего общества к писателю-путешественнику крепло с каждым днем, он принялся за обработку путевых записок и даже за чтение печатных описаний Якутской области. Иван Александрович с удовлетворением убедился, что немало чиновников, купцов и духовенства трудятся здесь не за страх, а за совесть. Добрыми словами он отозвался о русских людях, внедряющих в этом суровом крае хлебопашество и скотоводство. Сердечные чувства к переселенцам писатель сохранит на всю жизнь и на склоне лет заявит: «Сколь холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там люди»[3]. С такими же чувствами он реагировал в Якутии, когда прочитал в «Санкт-Петербургских ведомостях» фельетон Аполлона Майкова, в котором поэт выразил свои патриотические взгляды на исторические судьбы русского народа. Иван Александрович, одобрив это выступление своего бывшего ученика, в письме к нему сообщил, что написал статью «Якутск», где фактами подтвердит его мысль, что «Россия подвластным ей народам открывает обширное поприще деятельности и разумного применения сил»[4].

Тепло простившись с якутскими знакомыми, писатель 26 ноября, в 36-градусный совершал со школьниками загородные экскурсии, учил ребят составлению ботанических коллекций.

В связи с сильными болями старых ран на ногах Иван Дмитриевич добился права на лечение у докторов в Иркутске и осенью 1854 года приехал сюда с сыном Вячеславом и поселился в доме Сергея Петровича Трубецкого, своего старого друга. Здесь его и навестил Гончаров, который был знаком с литературными трудами Вячеслава. «Очень жаль, - писал 3 января 1855 года Якушкин сыну Вячеславу, находившемуся с братом Евгением в Красноярске, - что ты теперь не в Иркутске и не увидишься с Гончаровым, он был у меня и просил передать тебе его сожаление, что он не застал тебя здесь, и говорил мне с таким дружеским чувством о тебе, что я с первого раза полюбил его. Сегодня я послал ему «Постоялый двор». И мне очень любопытно знать, какое впечатление произведет на него повесть, он ее прежде не читал»[14].

15 января, в день отъезда писателя и Ребиндера из Иркутска, Иван Дмитриевич в письме к И.И. Пущину (другу Пушкина) высказывает сожаление, что Вячеслав все еще находится в Красноярске: «Мне досадно за него, что он теперь не в Иркутске и не увидится с Николаем Романовичем и Гончаровым; с обоими он коротко познакомился. Наверное, для вас будет очень приятно познакомиться с сочинителем «Обыкновенной истории» - он славный малый»[15]. В письме к Пущину от 31 января Якушкин снова возвращается к этой теме: «Последнее письмо я получил от Вячеслава 17-го из Красноярска; он остался еще дожидаться Ребиндера и Гончарова. А потом, получив новое и, как он пишет, не совсем приятное поручение, и ему придется ехать в Минусинск. Миша Волконский возвратился только третьего дня и через неделю опять уезжает за море» (за Байкал. - **Ж.Т.**)[16].

Иван Александрович, вспоминая о своих встречах с декабристами в Иркутске зимой 1855 года, назвал и «недавно женившегося Поджио». Однако авторы популярных повествований о Гончарове, вышедших в молодогвардейской серии «ЖЗЛ», А. Рыбасов (1957 г.) и Ю. Лощиц (1977 г.) не упоминают фамилии Поджио. А ведь подчеркивание только одного факта из жизни декабриста - его недавней женитьбы - побуждает биографа хотя бы вкратце поведать читателям, чем именно заслужил Поджио внимание романиста.

Братья Иосиф и Александр Викторовичи Поджио по происхождению были итальянцами, но родились они в Одессе и там же воспитывались в институте (частной гимназии). Оба служили в российской армии, но рано ушли в отставку: Иосиф - в чине штабс-капитана, а Александр - подполковником. Отец братьев, Виктор Яковлевич, уроженец итальянского Пьемонта, по предложению А. Де-Рибаса поступил на русскую службу и во время создания на месте прежнего Хаджибея крепости Одесса тесно общался с полковником Петром Никифоровичем Ивашевым, батюшкой декабриста Василия Ивашева.

Во время армейской службы на юге России братья Поджио были активными членами Южного общества и после разгрома восстания 14 декабря 1825 года подверглись суровой каре. Иосиф Викторович по распоряжению царя на семь лет был заточен в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости. Александру Викторовичу пришлось пробыть в одиночке восемь с половиной лет, причем его даже не выводили на прогулку, и он не знал, что в эти годы происходило на воле. За годы тяжкой неволи у него выпали все зубы. Каторжные работы братья отбывали в Сибири, а с конца 1830-х годов

[2] *Там же. С. 410.*
[3] *Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. С. 350.*
[4] *Литературное наследство. Т. 22 - 24. С. 420.*

[14] *Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 414.*
[15] *Там же. С. 416.*
[16] *Там же. С. 418.*

К.П. Ивашева.
Акварель Н.А. Бестужева. 1834 г.
Отдел истории русской культуры. Эрмитаж. Ленинград

Жена, Мария Николаевна, вместе с Муравьевой и Трубецкой добровольно последовала туда же, чтобы морально поддерживать мужей и их товарищей. Примечательно, что именно Мария Волконская, узнав весной 1831 года от Василия Ивашева, отбывавшего вместе с ее мужем каторжные работы на Петровском железоделательном заводе, что его невеста Камилла Ле Дантю получила царское разрешение обвенчаться с ним, завела переписку с их симбирскими родными. Не вдаваясь в подробности, замечу, что в письмах Волконской содержались тщательно продуманные советы, как говорится, на все случаи предстоящего путешествия в Сибирь и жизни рядом с «государственным преступником». Естественно, что в сентябре 1831 года, после венчания при церкви Петровского острога, посаженой матерью на свадьбе была Мария Николаевна Волконская.

Как-то во время беседы с декабристом Волконским Гончаров спросил, как же он сделал, что дети его родились в Сибири, между тем в их манерах заметны все признаки утонченного воспитания, на что получил ответ: «А вот, когда будете на половине (слышите: «на половине»!) моей жены, то потрудитесь спросить у нее: это ее дело». И точно, подчеркнул романист, «глядя на лицо княгини, на изящные черты ее, на величие, сохранившееся в этих чертах, я понял, что такая женщина могла дать тонкое воспитание своим детям». И понял, почему ей, девушке-смуглянке, в 1820-х годах посвящал вдохновенные строки Александр Пушкин. Кстати, в те же годы Сергей Волконский дружески общался с Пушкиным, и, по утверждению внука, именно ему было поручено принять великого поэта в Южное общество[8].

Ивану Александровичу довелось увидеть в городе 65-летнюю Софью Григорьевну Волконскую, супругу фельдмаршала князя Волконского, прибывшую в Иркутск, чтобы повидаться с братом Сергеем Григорьевичем и его семьей. У столичной гостьи перебывали почти все местные деятели, и, по настоянию Николая Свербеева, он тоже нанес визит этой очень живой и подвижной старушке и представился. Поговорив с писателем по-французски, она сказала ему на прощанье: «Я не прощаюсь»[9]. На этом приеме Иван Александрович, по его словам, «познакомился с 49-летним гражданским губернатором генерал-майором Карлом Карловичем Венцелем, которого очень хвалили мне, начиная с Н.Н. Муравьева, за его мягкость и гуманность».

Незадолго до отъезда из гостеприимного Иркутска Иван Александрович нанес прощальный визит Волконским. Сергей Григорьевич при общении с близкими людьми не скрывал своих убеждений и говорил: «Избранный мною путь привел меня в Верховный уголовный суд, в Сибирь, в каторжную работу и к тридцатилетней жизни в ссылке и тем не менее ни от одного слова и сейчас не откажусь»[10]. Супруге его, Марии Николаевне, нездоровилось, к тому же она очень переживала за 20-летнюю дочь Елену, жену чиновника Сергея Молгачева, обвинявшегося в злоупотреблениях и сраженного неизлечимой болезнью. И все-таки в доме Волконских Гончаров мог слышать, как Мария Николаевна по-матерински заботилась о Василии Ивашеве, а затем и о его миловидной жене-француженке Камилле, помогала им поддерживать связь с родными в Симбирске.

13 января Иван Александрович нанес прощальный визит уважаемой чете Волконских и вручил подарок их сыну - свой «резинковый, непромокаемый плащ», удобный для летних поездок верхом. В записке, адресованной Михаилу Сергеевичу и приложенной к подарку, говорилось: «Пусть он напомнит Вам обо мне где-нибудь на Аянской дороге или за Байкалом. Мне не совестно его предложить Вам на память потому, что я не надевал его и двух раз и он совсем нов, хотя и измят в чемодане. Не прощаюсь с Вами, а говорю до свидания, в надежде увидеться когда-нибудь за Уральским хребтом. Будьте уверены в моем к Вам искреннем уважении».

Однако так уж случилось, что 14 января Иван Александрович снова пишет молодому Волконскому, но уже через канцелярию генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. «Вот и вторая записка к Вам, почтеннейший Михайло Сергеевич, но в ней я надоедаю Вам не о себе, а об общем нашем знакомом Лазареве, который желает быть переведен в Иркутскую или Енисейскую губернии как ближайшие к его родине, Казани. В Якутске и холодно, да и мало средств к существованию, занятий никаких. Жена у него не выносит тамошнего климата и больна, словом, положение их незавидно. Туда надо людей покрепче и пожестче.

Я взял смелость довести об этом до сведения Его Высокопревосходительства, с покорнейшим ходатайством об исполнении желания Лазарева. Николай Николаевич, выслушав благосклонно, обещал исполнить при возможности и приказал мне передать прилагаемую записку о Лазареве Вам с тем, чтобы Вы взяли на себя труд доложить ее Его Высокопревосходительству при открытии лекарских вакансий в тех местах, где бы желал служить Лазарев. Мне очень приятно передать дело нашего знакомого в такие доброжелательные и надежные руки. Я уверен, что Вы не оставите дела без внимания. До свидания. Ваш покорнейший слуга Гончаров»[11].

Во время пребывания в Иркутске Иван Александрович благодаря Николаю Свербееву познакомился и с Сергеем Петровичем Трубецким, бывшим князем и полковником, членом «Союза благоденствия» и «Северного общества», одним из руководителей восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Как и Волконский, он был приговорен к сибирской каторге, а после нее отправлен на поселение под Иркутском. Его супруга Екатерина Ивановна (урожденная графиня Лаваль) почти три десятилетия стойко переносила невзгоды, выпадавшие на семью «государственного преступника», и дала прекрасное воспитание дочерям Александре и Зинаиде и сыну Ивану.

Старшую дочь Трубецкие выдали замуж за генерал-майора Николая Романовича Ребиндера, который и увез ее с собой в Забайкальскую слободу Кяхта - единствен-

[8] *Литературное наследство. Т. 58. 1964. С. 162.*
[9] *Гончаров И.А. Там же. С. 368.*
[10] *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М.,1957. С. 265.*

[11] *И.А. Гончаров в кругу современников. Неизданная переписка. Сост., подготовка текста и коммент. Е.К. Демиховской и О.А. Демиховской. Псков, 1997. С. 182-183.*